

— О, прячешься в комнате и гредишь наяву? — Бай Минъюй, засунув руки в карманы, развязной походкой вошел в комнату.

Его взгляд скользнул по старому голографическому экрану перед Бай Цуньянем, задержался на странице набора в военную академию, и губы его искривились в насмешливой ухмылке.

— Что, до сих пор гредишь о военной академии? Пойди посмотри на себя в зеркало и оцени, на что ты похож. Ты — никчемный омега, у которого даже феромоны едва чувствуются. Если ты туда заявишься, только опозоришь нашу семью Бай!

Бай Цуньянь опустил ресницы, пряча холодный блеск в глазах.

— Я просто... листал страницы.

— Листал? — Бай Минъюй сделал шаг вперед и резко схватил Бай Цуньяня за подбородок. — Предупреждаю тебя, Бай Цуньянь, даже не мечтай о квоте! Это моя вещь, усек? Сиди тихо, веди себя прилично, а потом найди себе альфу, который сможет заплатить за тебя хороший выкуп. Хоть так отработаешь те харчи, что ты перевел в доме Бай за все эти годы!

Унижение и гнев, словно ядовитые лианы, сжали сердце, но на лице Бай Цуньяня не дрогнули ни один мускул. Его глаза лишь слегка покраснели, словно он был напуган.

— Я... я понял...

— Хм, никчемный, он и есть никчемный. — Бай Минъюй с удовлетворением посмотрел на его трусливый вид и с отвращением оттолкнул его. — Живо приводи себя в порядок! Вечером у нас гости, не смей выходить к ним с таким плаксивым и унылым видом, позорище!

Сказав это, он развернулся и широкими шагами вышел, с грохотом захлопнув дверь.

В комнате снова воцарилась тишина. Бай Цуньянь остался один. Место на подбородке, где его сжимали пальцы, все еще саднило, но куда мучительнее была давящая тяжесть в груди, которой некуда было выплеснуться.

Внутри него забурлили сильные эмоции, и внезапно, без всякого предупреждения, из самой глубины позвоночника ударил поток странного жара, мгновенно охватив всё тело.

— Угх... — Бай Цуньянь глухо застонал и, свернувшись калачиком, рухнул на пол.

Как же жарко... Как больно... Неужели это... вторичное развитие? В воспоминаниях прежнего хозяина тела не было ничего подобного. В хаосе перед глазами вновь отчетливо всплыло то красивое лицо.

Неизвестно, сколько прошло времени, прежде чем нестерпимый жар начал отступать. Он лежал на полу без сил, пропитанный потом, словно его только что вытащили из воды. Он был настолько слаб, что не мог пошевелить даже пальцем. Зато чувства обострились до невероятного предела.

Бай Цуньянь с трудом повернул глаза, глядя на свою руку, лежащую на полу. В следующее мгновение его зрачки сузились. На старом, пересохшем дереве пола, которого касались его пальцы, с видимой скоростью проступил влажный блеск, и даже... проклюнулся крошечный, почти незаметный нежно-зеленый росток!

Что это?! Неужели... дерево расцвело весной?

В голове промелькнула четкая мысль. Неужели это и есть его пробудившаяся способность? Похоже, она может оказаться весьма полезной!

В то же время от него начало исходить прохладное растительное благоухание, постепенно заполняя маленькую комнату. Он только собрался сосредоточиться и получше прислушаться к изменениям в организме, как в коридоре послышались шаги. Вскоре раздался бесстрастный голос дворецкого:

— Молодой господин Цуньянь, госпожа просит вас немедленно спуститься в гостиную.

Сердце Бай Цуньяня сжалось. Жар после развития еще не прошел, и комната была пропитана запахом мяты — это было все равно что кричать во всеуслышание: у меня что-то случилось! Нельзя, чтобы кто-то снаружи это заметил.

— Сейчас... иду! — отозвался он, стараясь придать голосу привычную трусливость и легкую хрипотцу, будто только что проснулся. Он даже нарочно шмыгнул носом, чтобы добавить плаксивых ноток.

Он почти на четвереньках поднялся с пола, двигаясь нетвердо от слабости и спешки. Подбежав к окну, он с силой распахнул старую раму. Ночной ветер ворвался в комнату, принося прохладу. Бай Цуньянь нервно втянул воздух: запах мяты быстро слабел, рассеиваясь в ночном воздухе. Он не рискнул открывать окно слишком широко, боясь вызвать подозрения, и лишь надеялся, что проветривания хватит.

Закончив, он быстро оглядел комнату. Росток на полу оставлять было нельзя. Наклонившись, он сорвал его, глубоко вздохнул и подошел к мутному зеркалу у двери.

В отражении на него смотрел бледный юноша. На подбородке и вокруг глаз все еще виднелись красные следы от пальцев Бай Минъюя, волосы слиплись от пота и падали на лоб. Выглядел он жалко и растерян — в точности как обычно после очередного издевательства.

Отлично.

Он поправил слегка помятый воротник и открыл дверь. Дворецкий с каменным лицом стоял снаружи и, не говоря ни слова, развернулся:

— Идите за мной.

Бай Цуньянь покорно последовал за ним по темному коридору. Яркий свет и шум голосов в гостиной становились все ближе. Бай Цуньянь сделал глубокий вдох и, переступая порог, идеально вписался в привычную роль никчемного омеги.

В гостиной Эшли вела оживленную беседу с прилично одетым, пузатым альфой средних лет. Бай Минъюй сидел рядом, закинув ногу на ногу, с выражением предвкушения на лице. Увидев входящего Бай Цуньяня, Эшли сменила улыбку на холодную гримасу. Окинув его критическим взглядом, она нахмурилась:

— Что за вид? Никакой бодрости! Живо иди сюда, поздоровайся с господином Лю.

— Это господин Лю, он занимается горнодобывающим бизнесом, наш дорогой гость, — фальшиво улыбаясь, Эшли поманила его рукой. — Цуньянь, иди сюда, дай господину Лю хорошенько тебя рассмотреть.

Бай Цуньянь мысленно усмехнулся, но послушно подошел на несколько шагов.

— Подними голову, ты что, онемел? — нетерпеливо прикрикнула Эшли.

Бай Цуньянь медленно поднял голову, но взгляд его по-прежнему был устремлен в пол. Он чувствовал, как неприятный, липкий взгляд блуждает по его лицу и шее.

— Хм... а мордашка и правда ладная, — прохрипел господин Лю своим противным голосом. — Только худоват. Но ничего, подкормим — отъестся.

Он хихикнул, сделал глоток из бокала и многозначительно хмыкнул. Улыбка Эшли стала еще шире:

— Мы рады, что господин Лю доволен. Наш Цуньянь хоть и молчалив, но самый послушный и покладистый.

Она помедлила, подалась вперед и понизила голос:

— Насчет того дела, о котором вы упоминали, господин Лю... насчет рекомендации в военную

академию...

Господин Лю поставил бокал, потирая пухлыми пальцами подбородок, не сводя глаз с Бай Цуньяня:

— Договоримся, договоримся. Квота — это пара пустяков, мне достаточно одного слова. Однако... — он затянул фразу.

Эшли тут же подхватила, торопливо отвечая:

— Если господин Лю поможет, мальчик может отправиться с вами уже сегодня вечером. Он омега, дома от него одни расходы. Для него будет великой честью служить вам.

<http://bllate.org/book/18780/1822341>